

18+

МАРА ВИ

НЕМНОГО
НЕ В СЕБЕ

Мара Ви

Немного не в себе – I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43681736

ISBN 9785005026798

Аннотация

Лео способен выводить людей из комы, проникая в их внутренний мир, и он ненавидит свой дар. Чужая душа не просто потемки, а весьма опасные потемки. Однако ради мечты о доме Лео соглашается помочь почтенному финансисту и расследовать обстоятельства, при которых тот впал в кому. За фасадом благополучия скрывается множество тайн, раздирающих личность на части. К тому же вскоре может наступить смерть мозга. Успеет ли Лео найти убийцу и разрешить внутренние конфликты, чтобы выбраться наружу?

Содержание

День первый

5

Конец ознакомительного фрагмента.

61

Немного не в себе – I

Мара Ви

Редактор Александра Давыдова

Корректор Анна Баскаева

Иллюстратор Алексей Курбатов

© Мара Ви, 2020

© Алексей Курбатов, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0050-2679-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

День первый

«Спокойствие проникает в каждую клеточку вашего организма. Вы делаете выдох, и все мысли отступают...»

Если бы.

Запись в наушниках сопровождалась бесконечным звуком и подвываниями рожка. Конечно, это должно было породить умиротворение.

Лео дернулся, чтобы отогнать назойливого муравья, пытавшегося залезть ему в нос, и вернулся в шавасану – позу трупа. Утренняя свежесть улетучивалась с каждой минутой, и лысоватый пригорок, который Лео выбрал для медитаций, постепенно раскалялся не хуже пляжа.

Он сконцентрировался на голосе. Не отвлекаться. Вытерпеть еще полчаса умиротворения и покоя.

«Прочувствуйте ваше тело. Оно большое... тяжелое... Вас ничего не волнует...»

Тяжелое. Тело. Лежит на полу темной комнаты. Не в шавасане, но несомненно – в позе трупа. Под ним растекается вязкая темная лужа...

– Черт! – Лео резко сел, выдернув наушники.

Накатывала паника, и сердце колотилось в сбивчивом ритме. Только не снова. Сесть прямо и считать. Глубокий

вдох на три-четыре, задержка, выдох на пять-шесть. Глубокий вдох...

Постепенно тело подчинилось. В конце концов, здесь он был в безопасности. Здесь никто не знал о нем. Покрытые лесами холмы закрывали вид на море, но ветер доносил иногда его запахи, и, если забраться повыше по козлиной тропе, то со склона Галатцо открывался потрясающий вид на Майорку. Бурные зеленые волны лесов постепенно успокаивались и переходили в синеву Балеарского моря, на которой яхты оставляла быстро затягивающиеся белые царапины, и которая сливалась дальше с ослепительной безмятежностью неба.

Диковатое место, зато без туристов. Асфальтированная дорога заканчивалась задолго до дома Лео, а из соседей он обнаружил только горных козлов с желтыми глазами, да ласточек, одна из которых свила гнездо под крышей его дома. Каждый раз, подходя к двери, он чувствовал странную причастность к этой семье, смотрел на четыре сиреневые покрытые пухом головы с жадно распахнутыми желтыми клювами и переживал, что один птенец – слишком маленький – явно отстает от других.

Взрослые птицы истребителями сновали в небе. Им было, чем поживиться: воздух был буквально наполнен деловым жужжанием насекомых. Все вокруг очень торопилось жить. Эта суэта напомнила Лео Берлин, и в голову снова полезли мысли о Лиззи Морган.

Никогда не знаешь, что именно тебя сломает. И кто бы мог подумать, что после всего случившегося для Лео это окажется внутренний мир впавшей в кому неприметной девушки.

Нет, сначала все было неплохо. Лео без проблем вошел в ее сознание. Потребовались некоторые усилия, чтобы разговорить Лиззи, но она совсем не возражала выйти. Она вообще не возражала. Не удивлялась. Не улыбалась. Как будто сама ее душа пребывала в сомнамбулическом сне.

Все пошло не так, как только колокольный звон, доносившийся снаружи, отмерил семь часов и в дверях появился ее отчим. До этого Лео видел его в больнице: одутловатый хмурый работяга с залысинами и серьгой в ухе, постоянно ходивший курить. Лео справился бы с таким без проблем – с его-то подготовкой. Но внутри сознания Лиззи он на своей шкуре испытал, какой невероятной властью и силой жертвы наделяют своих обидчиков. Отчим надвигался, как скала. Если бы только скала могла материться и воняла смесью табака, пива и строительной пыли.

Каким же наивным идиотом был Лео, когда пытался договориться с этой беспощадной биомассой. Он пропустил момент...

Сигнал клаксона вырвал Лео из воспоминаний. Лишь бросив взгляд в сторону дороги, Лео моментально припал к земле. Поздно: дверь черного представительского «мер-

седеса», абсолютно неуместного в этой глуши, открылась, и возникла проблема.

Выглядела она как женщина лет пятидесяти, впрочем, Лео всегда затруднялся в определении возраста женщин... и мыслей женщин... да и вообще чего бы то ни было женщин. Но ее деловой костюм, массивные темные очки, делавшие ее похожей на робота, и толстая папка, которую она держала раскрытой, как будто собираясь вынести приговор, точно не предвещали ничего хорошего. Она помедлила секунду, но потом решительно полезла вверх.

Прятаться больше не имело смысла. Бубнивший в наушниках голос все еще сулил несбыточное расслабление. Лео выключил запись на телефоне, но дернул провод наушников слишком сильно, и мобильник отлетел в сторону.

– Вы – Леонид Мейсер, – услышал он над собой, когда шарил в жестких колючих зарослях.

Женщина не спрашивала – утверждала. Ее лицо с крупными волевыми чертами покраснело от быстрого подъема.

Она слегка наклонилась, и, когда взглянула на Лео поверх очков, ему на секунду показалось, что он опять в шестом классе на ненавистном уроке математики, и опять его будут стыдить за хулиганство, за невнимательность, за то, что он просто был самим собой. Солнце ярким отблеском отразилось от маленького крестика у нее на груди, и Лео отвел глаза.

– Non comprendo, – буркнул он.

– Я Мадлен Штерн. Мой брат в коме.

Приветливая улыбка контрастировала с напряженными складками у носа, делая ее лицо похожим на маску.

– Non comprendo, – повторил Лео, судорожно пытаюсь найти телефон.

– Перестаньте притворяться. Ваше произношение ужасно, – в ее голосе стало проявляться раздражение. – Вон, – носком ноги она небрежно указала в сторону, где между камнями застрял чертов сотовый.

Лео резко выдохнул, стараясь унять эмоции, которые породил в нем этот жест, а женщина продолжала:

– Мой брат погибнет, если вы не поможете ему. Говорят, что он пытался покончить с собой. Но я знаю его. Он не мог этого сделать. Вы должны проникнуть в его сознание.

– Не должен. И не буду.

Лео сунул телефон в карман, поднялся и одернул одежду. Он не собирался дальше смотреть на эту женщину снизу вверх.

Ее очки отразили Лео целиком. Растрепанные волосы, поношенная майка с карикатурным изображением Эйнштейна, обрезанные под шорты джинсы и кеды, цвет которых уже давно перестал угадываться. Авторитетно он не выглядел. Служба в армии, конечно, помогла нарастить мышцы, но жесткий и волевой взгляд у него так и не получался, даже когда он очень старался. Что ж, главное – не стушеваться.

– Вы понятия не имеете, о чем просите, – сказал он, глядя

в эти огромные квадратные очки. – Никогда больше я не буду заниматься этим.

Брови над очками сначала взлетели, а потом угрюмо сошлись, образовав на лбу две глубокие морщины. Видимо, их владелица совсем не привыкла к отказам.

Лео отвернулся и стал спускаться с холма. Как говорил один талиб с блестящими черными глазами: «Если тебе есть, куда бежать, это не бегство. Это занятие более выгодной позиции».

Но Мадлен Штерн оказалась упорной. Стараясь не ободрать туфли о колючую траву и выступающие камни, она торопливо следовала за Лео. Это начинало злить.

– Послушайте... – она схватила его за локоть.

– Оставьте меня в покое! – Лео резко развернулся, сбрасывая ее руку. – Ни шагу вперед. Вы ничего не знаете о последствиях!

От неожиданности Мадлен замерла. Не сводя с нее взгляда, Лео сделал пару шагов назад. Эта женщина ему не указ. Он-то знал, что у таких, как она, может быть внутри.

– О черт!

Все-таки стоило смотреть под ноги. Когда Лео особенно хотелось быть на высоте, выглядеть солидно, ему всегда ужасно не везло. Как будто его тело все время хотело устроить какую-то подлость, показать, где на самом деле его место. Вот и в этот раз он оступился, замахал руками, стараясь удержать равновесие. В борьбе с гравитацией силы ока-

зались не на его стороне. Лео не удержался и, рухнув вперед, пробороздил коленом пригорок.

Мадлен была уже рядом:

– В машине есть аптечка, – она кивнула вниз на черный «мерседес», который объехал холм и теперь медленно приближался к ним.

– Не. Интересует, – сказал Лео отдельно и с нажимом.

Он отстранился от Мадлен, которая потянулась, чтобы стряхнуть с него налипший мусор, и угрюмо похромал дальше.

– Ну что же вы так? У всех бывают неудачи, – Мадлен не отставала. – Вы не можете отказываться от уникального дара, который дал вам бог.

– В том аду, где раздавали такие подарочки, меня никто не спросил, хочу ли я этим заниматься, – огрызнулся Лео. – И справлюсь ли я с этим.

– Конечно, справитесь! А что касается фрау Морган... Как истинный христианин, вы помогли страждущей.

Эта религиозная дидактика начинала бесить.

– О, если бы истинные христиане увидели, что я пробудил в ее душе, они бы сожгли меня на костре.

Мадлен вздохнула как будто бы с сожалением:

– Не драматизируйте. Аутодафе уже давно не поощряется законом, – тон был милый, но ее сжатые челюсти намекали, что она не прочь кого-нибудь поджарить. – И не позволяйте одному несчастному случаю перечеркивать все хорошее, что

вы сделали.

Лео почувствовал, что вот-вот сорвется. Развернувшись, он нацелил на Мадлен палец. Практически тыча ей в грудь, в нательный крестик, он стал наступать, заставляя эту «всеведущую» стерву пятиться в испуге.

– Это не был «несчастный случай»! Это было убийство!

Лицо Лео побледнело. Он обессиленно опустился на землю и обхватил руками колени. Его трясло. Взгляд застыл. Кошмар, с которым он так долго боролся, захлестнул его с головой.

Тогда в доме души Лиззи Морган он облажался. Может, из-за того, как легко все прошло с Никой до этого, Лео слишком расслабился. Пока он пятился, стараясь договориться с надвигающимся на него телом отчима, они все оказались в домашнем спортзале, который был оборудован в подвале дома. Молчавшая до этого Лиззи, вдруг забилась в угол, и, закрыв лицо руками, вдруг тонко завизжала. Повернувшись к ней, Лео упустил момент, а отчим одним движением опрокинул на него весь силовой тренажер.

Очнувшись, Лео обнаружил себя припечатанным под грудой железа. Как преступник, выставленный в колодках для осмеяния. Все болело, часть ребер наверняка были сломаны, но смотреть на Лиззи было еще больнее.

Лео пытался защититься, пытался докричаться до Лиззи, которая отползала все дальше в угол. Он старался объяс-

нить, что все это происходит лишь в ее сознании, что она сама может прекратить все это. Он обещал расправиться с отчимом и наказать его по закону, когда они выйдут из комы. Нужно только перестать бояться и терпеть.

Но все было напрасно. Лиззи как будто превращалась в замерший в ужасе манекен.

Бессилие и безвыходность захлестывали.

А потом появилась другая часть личности – Наама – и несколькими взмахами кухонного ножа решила все проблемы. Лео не мог даже предположить, что в покладистой и заикающейся толстушке скрывалось такое циничное и злое альтер эго.

Даже несмотря на то, что Наама помогла Лео освободиться, он не рисковал поворачиваться к ней спиной. Наама притягивала и отталкивала одновременно. В нее был влит такой концентрат сексуальности, что даже находиться рядом с ней в непроветриваемом помещении было опасно. Ее сила, лишенная всякой морали, безжалостная решительность и токсично-едкие замечания вызывали у Лео отвращение и страх. Но где-то в глубине души – зависть и восхищение. И это пугало больше всего.

В отличие от на все согласной Лиззи, Наама не знала сомнений, затягивая окружающих в ураган своих намерений. Даже свое весьма сногшибательное тело она носила не так, как это делают красотки, стараясь нравиться окружающим, а как тактическое боевое снаряжение. И ис-

пользовала его весьма умело. Но даже большие, чем волнующие формы этой новой Лиззи, Лео смущали глаза. Яркосиние. Почти фиолетовые. Прожигающие насквозь. Демонические.

Наама ломала и перекраивала основную личность Лиззи, меняя ее до неузнаваемости. Лео же оставалось только беспомощно ковылять по дому. Пару раз он заставал на чердаке призрак «старой» Лиззи, который усердно корпел над учебниками, но потом вновь возвращался к обновленной версии.

Вроде бы все происходило так, как он предлагал: Лиззи избавилась от страха, она училась говорить «нет», даже умудрилась похудеть, мутузя боксерскую грушу своего отца... Да только труп посреди подвала настораживал.

Все попытки Лео вывести девушку в реальный мир или выйти туда самому оставались безуспешными. Лиззи отмахивалась, увлеченно осваивая новый образ, а Наама издевалась над Лео и обещала навсегда остаться с ним. От подобной перспективы волосы вставали дыбом.

Когда наконец Лиззи повернула ручку входной двери, готовая выйти в реальность, Лео понял, что от скромной тихони не осталось и следа. Теперь это был другой человек.

После выхода из комы она отказалась от помощи Лео, отказалась даже обсуждать что бы то ни было. А через два месяца после выписки из больницы Лиззи Морган явилась в полицию с ножом в руке, покрытая кровью своего мучителя. И счастливо улыбалась.

Внутренний демон, вызванный Лео, одержал верх. Жертва превратилась в палача. Репортеры упивались историей, и с каждой газеты на Лео смотрело лицо девочки, которую он подвел.

Снова и снова в своих кошмарах Лео оказывался в подвальной комнате... Темная вязкая лужа растекается из-под лежащего на полу человека. Тяжелый металлический запах крови бьет в нос. Нога в туфле на высоченном каблучке-шпильке покачивает из стороны в сторону голову обидчика. Лео вглядывается в лицо поверженного врага, на котором застыло удивление, и с ужасом замечает в нем собственные черты. В ушах вновь звучит крик ужаса, переходящий в неудержимый истеричный смех.

Не все тайны стоят того, чтобы их знать.

* * *

Лео смотрел вперед невидящим взглядом. Его продолжало трясти.

Мадлен в замешательстве оглянулась, чувствуя себя весьма неуверенно. Достала бумаги из папки и стала обмахивать ими Лео, как веером.

Трава рядом зашевелилась.

– Змея! – взвизгнула Мадлен, бросила папку с бумагами в ту сторону и отпрыгнула за спину Лео.

Взгляд того немного прояснился. Он посмотрел в сторо-

ну шевелящейся травы и разлетевшихся бумаг. На лист с яркой картинкой выбралась упитанная ящерица, посмотрела на произведенный фурор и скрылась в траве.

– Это еще что?

Лео поднял листок и всмотрелся в него. Билет до Берлина на имя Леонида Мейсера. Он отбросил бумажку в сторону.

– Это уж слишком!

Вскочил и, хромая, поспешил к своему дому. Как назло, за ногу зацепилась сухая ветка куста. Он попытался стряхнуть ее, но безуспешно. Еще раз останавливаться ему не хотелось. Так он и шел, поднимая за собой пыль.

– Пойдите. Ну что вы так цепляетесь за это? – Мадлен никак не отставала. – Ничего страшного. Лиззи Морган похудела, ведет видеоблог, дает интервью.

– Она в тюрьме за убийство!

– Пфф, тем выше рейтинги.

Лео еще раз взбрыкнул ногой, стараясь отделаться от прицепившейся ветки.

– Да кто вы вообще такая? Как вы нашли меня?

– Я работаю в правительстве, и у меня есть хорошие связи в бундесвере.

– А, большая шишка. Досье, слежка, прослушивание мобильного...

– Я здесь по частному делу.

– Ха. Так я вам и поверил. Даже мои родители не знают, что я здесь. Откуда у вас мои данные?

– Хорошо. Я навела справки. Поговорила с разными людьми. Вот, – она порылась в папке и сунула в руки Лео конверт, – между прочим, письмо вам привезла.

Лео остановился и взглянул. Адрес и подпись «Яник Шульц».

Как выстрел из прошлого.

Лео закусил губу.

– Что там? – проговорил он наконец.

– Я не знаю.

– Ну-ну, – Лео поколебался, не вернуть ли письмо, но потом сунул конверт в карман и зашагал дальше.

– Мне действительно нужна помощь. И очень срочно. Да постоит же вы!

Лео наконец удалось избавиться от волочившейся за ним ветки. Он подошел к воротам своего дома и повернулся к Мадлен.

– Перестаньте отдавать приказы. Кто бы вы там ни были. Я давно распрощался с армией. Я частное лицо. Вот мой частный домик у моря. Моя частная жизнь. И я запрещаю вам врываться в мои владения.

Лео вошел и с силой захлопнул створку ворот, отчего часть забора рядом упала, подняв облако пыли. Бережно задвинул засов на теперь уже бесполезных воротах.

Мадлен положила было руку на ограду, но Лео глянул так, что она предпочла отдернуть наманикюренные пальцы.

– Да вы только посмотрите! Эта развалюха – владения? –

Мадлен, скривившись, кивнула за спину Лео. – Да отсюда до моря километров десять.

– Зато все аутентично, – Лео подошел к дому и любовно поправил керамическую расписную табличку с надписью «Casa mia» у двери. – И это уже на семьсот восемьдесят километров ближе к морю, чем моя съемная конура в Берлине. А сегодня у меня особый праздник. Видите ту великолепную машину?

Лео указал в сторону, где под старой оливой стоял фургон с надписью «SU PLOMERO». Под слоем грязи и царапин просматривался логотип, на котором сантехник с диким оскалом, казалось, отбивался от невидимых демонов с помощью вантуза и разводного ключа. Рядом с подъехавшим строгим «мерседесом» Мадлен он выглядел особенно безумно.

– Слышите эти божественные звуки? – продолжал Лео, не обращая внимания на недоумение Мадлен.

Из дома раздавались громкие удары по металлу, скрипы и невнятные ругательства на испанском.

– Знаете, что означает эта симфония? Что у меня... сегодня... спустя две недели... будет... душ!

Мадлен только фыркнула:

– Я заплачу за ваши услуги, назовите цену.

– Катитесь к черту.

– Да я уже у черта на куличках!

Мадлен сняла темные очки, и вместе с ними слетела маска

спокойствия. Ее глаза смотрели со злостью и высокомерием. Такое выражение лица бывает у тех, кто унижался зря.

– Если бы у меня был хоть какой-нибудь другой вариант, я бы не стояла, упрашивая о помощи какого-то голодранца! – прошипела Мадлен.

– Бесит, да? – Лео спросил с наигранным сочувствием, заглядывая ей прямо в глаза. Находясь на территории собственного дома, он вдруг почувствовал себя спокойно. – Быть богатой, влиятельной, помешанной на контроле стервой и оказаться такой беспомощной. Прямо как все обычные людишки. Я вам так сочувствую.

Лицо Мадлен пошло пятнами. Она резко развернулась и направилась к «мерседесу».

Лео осторожно выдохнул.

Отвернулся от забора, чтобы никто не мог увидеть его лица. Да он и сам не знал, радоваться ли ему, или стыдиться такой победы.

Он дернул плечом, сбрасывая ту ненужную ношу, от которой избавился, и представил, как здорово и спокойно будет дома. И можно будет, наконец-то, принять душ. Лео даже зажмурился и закинул голову, мечтая, что сможет, наконец, замереть, позволяя струям смывать с себя всю пыль, усталость, сомнения и все страхи, от которых он сбежал. Он сделал шаг к своей мечте и...

Грохот сотряс дом, дверь распахнулась, и струя воды окатила Лео. Вслед за ней вылетели два сантехника, подхвати-

ли Лео под руки и потащили его спиной вперед в сторону ворот. Раздался еще один взрыв, и боковая стена вылетела вместе с газовым баллоном. Он проехал метра на три, вращаясь и шипя, и замер у корней старого тутового дерева.

Лео вырвался из рук ремонтников и ошалело взглянул на них.

– Уф, хозяин, повезло тебе, что мы тут были, – казалось, случившееся не особо удивило испанцев, и уж совсем не повлияло на их прекрасное настроение. – Бум! Совсем некрепко было.

В подтверждение слов дом стал наклоняться. С протяжным скрипом и треском, как в замедленной съемке, стены сложились набок, подняв облако пыли.

Странным образом осталась стоять только стена у двери. Гнездо ласточки повисло боком, птенцы испуганно сжались, а ласточка с пронзительным щебетом металась рядом. Лео рванул вперед и изо всех сил уперся, стараясь удержать стену от падения.

– Что стоите?! – крикнул он ремонтникам. – Держите!

Только когда двое потных испанских атланта, едва доставших Лео до подмышки, уперлись в стену, он осторожно протянул руку и, балансируя на краю ступеней, снял гнездо.

Забившись на дно, на него смотрели три головы побольше, и одна – совсем маленькая. Промелькнула мысль: плохо ест... не жилец... Может, мать вообще не вернется к ним, после того как он взял в руки гнездо, и вместо быстрой гибели

ли под обломками их ждет медленная смерть от голода. Кто его просил лезть в чужие жизни?

Ступая по руинам того, что было его самой большой инвестицией, Лео осторожно водрузил гнездо на ветку тутового дерева, и посмотрел в испуганные бусины глаз.

Наверно, три года назад новобранец Лео точно также смотрел на лейтенанта, когда они осторожно передвигались среди разрушенных зданий, осматривая зачищенный район. Рядом грузили раненных и убитых.

– Невозможно спасти всех, – с усталым равнодушием ответил лейтенант на его незадаанный вопрос. – Просто делай, что можешь.

С этим трудно было поспорить.

– А если от этого будет хуже? – спросил Лео.

Лейтенант дернул плечами и отбросил недокуренную сигарету:

– А вот это не твоего ума дело.

Хотелось бы согласиться. Очень бы хотелось. Но не получалось.

– ¡Vamos! – раздалось за спиной, а затем последовал треск и грохот.

Ремонтники отпрыгнули в разные стороны от стены, и она рухнула.

– ¡Todo está bien! – заверил один из них Лео и для убед-

тельности показал большой палец.

– Бьен?! – Лео двинулся на них, чувствуя, как поднимается волна злости. – Это бьен, мать вашу?!

Внизу что-то хрустнуло. Нога поехала на скользкой поверхности. Лео опустил глаза. Керамическая табличка, которая наполняла его детской радостью каждый раз, когда он возвращался домой, лежала, расколотая на куски. Лео опустил на колени. Отбрасывая в стороны камни и щепки, он пытался собрать воедино узор и надпись «Casa mia», как будто это что-то значило, как будто это могло вернуть его дом...

Телефон выпал из кармана и заработал:

«Спокойствие и умиротворение царят в вашей жизни».

Лео вскочил и с силой припечатал его ногой. Он прыгал и прыгал на обломках, пока голос не стих.

Где-то около двери висела его любимая куртка и рюкзак с документами. Лео сбил кусок черепицы и выдернул из-под завалов все, что осталось от его имущества.

Набывчившись, Лео приблизился к сантехникам и наставил на них указательный палец. Он собирался задать им трепку, проклясть и потом затаскать по судам, но злость уже схлынула. Глядя на их жизнерадостные лица, Лео понимал, что ничего этим не изменит в своей сегодняшней жизни.

Один из сантехников заботливо стряхнул с Лео мусор, а второй похлопал по плечу. Поэтому Лео только выдохнул, прошел мимо них и с силой захлопнул за собой створку ворот, обрушив при этом забор с другой стороны. Он обернул-

ся, и посмотрел на руины.

На гнезде сидела ласточка и поочередно совала еду в четыре распахнутых желтых рта.

Мадлен все еще стояла у машины. На ее лице была плохо скрываемая улыбка грифа, дождавшегося своей добычи.

Лео подошел к ней:

– Мои услуги все еще нужны?

Мадлен сделала короткий приглашающий жест в сторону машины:

– Мы опаздываем на самолет.

– Будет дорого, – пообещал Лео. – И у меня есть свои условия.

Он плюхнулся на заднее сидение. Белесая пыль с одежды прочертила его контур на черной коже салона.

* * *

Сидя в просторном кресле бизнес-класса, Лео вполуха слушал историю жизни Роберта – впавшего в кому брата Мадлен – и продолжал обрывать этикетки с купленных в аэропорту вещей. Они были вдвоем в этой части самолета. Он впервые летел с таким комфортом и чувствовал себя как самозванец, который тайком пробрался на чужой праздник и ждет, что его вот-вот разоблачат и выставят за дверь. На высоте десять тысяч метров – не хотелось бы.

Лео украдкой взглянул на Мадлен. Всего пара часов, и вот они уже поменялись местами. Теперь Лео в своей яркой одежде был чужеродным элементом в ее респектабельном мире: эдакий барбос, случайно оказавшийся на подиуме среди породистых собак. Можно было, конечно, не обращать внимания на социальную пропасть, но все равно становилось досадно, что к двадцати пяти он так и не смог дотянуться до той престижной и красивой жизни, которой мечтал похвастать перед родителями и одноклассниками. Пока они учились в школе, все казались равными, но уже после университета стало понятно, что у кого-то есть унаследованное положение и связи, а у кого-то есть только надежды и необоснованный оптимизм.

Действительно, что он имел? Диплом бакалавра, на который отец со смеху пролил пиво, увидев надпись «Археология». Дом своей мечты, лежавший теперь в руинах. Минусовой баланс.

И уникальный жизненный опыт, напомнил себе Лео. На его счету трое людей, которых он вернул из комы.

А еще – одно убийство, соучастником которого он, так или иначе, он вполне мог себя считать. Лео поежился.

В детстве ему очень хотелось попасть в голову других людей, понять, о чем они думают. Но мечта, сбывшаяся так неожиданно и скоропостижно, теперь последовательно разрушала его жизнь.

Ах да, еще у него был почетный крест за отвагу. Но даже этой отваги не хватало на обустройство личной жизни. Особенно после случая с Никой. Она была вторым человеком, во внутренний мир которого он попал. Все было так просто и так быстро, что Лео какое-то время испытывал гордость от своей суперспособности. Оказалось, однако, что он не увидел и десятой части лабиринта души Ники и тех монстров, которые в нем скрывались.

Теперь, как только он оказывался рядом с девушкой, которой хотел понравиться, у Лео наступал ступор. К его всегдашней стеснительности добавился еще и страх. Он представлял, какие чудовища могли прятаться под этой тонкой кожей, за лучистыми распахнутыми глазами и за лицемерной улыбкой. Как будто комок застревал в горле, слова никак не хотели вылезать наружу. Можно, конечно, разозлиться или представить, что девушка совсем не привлекательна. Можно заранее вообразить все ее душевные изъяны. Это помогало поддерживать разговор, но совсем не помогало раз-

витию отношений.

Хоть с Мадлен таких проблем не было. Это была не женщина – бульдог.

– Какая информация тебе нужна для работы? – она раскрыла толстую папку с кучей документов и фотографий. Сразу после подписания контракта Мадлен перешла на «ты» и взяла командный тон.

Лео постарался принять важный вид, как будто он действительно знал, как нужно действовать, а не бродил каждый раз в тумане неизвестности.

– Для начала мне надо осмотреть дом, место происшествия, познакомиться с близкими людьми, провести свое исследование...

– Нет времени, – перебила его Мадлен. – Все, что нужно знать о жизни Роберта, здесь, – она указала на бумаги.

– Может, вы что-то пропустили, – не сдавался Лео. – Как я пойму, что в его мире реально, а что – фантазия?

– Роберт весьма приземленный человек. Не думаю, что у него есть какие-то особые фантазии. К кому же иногда ты возишься больше месяца, выводя человека из комы. Постарайся на этот раз сделать все быстро. Врачи говорят, Роберт протянет еще примерно неделю, потом начнутся необратимые изменения в мозге.

– Эй, так не пойдет! А если я в нем застряну? – Лео почувствовал очень неприятный холод на спине.

Все люди в чем-то ненормальны, и во внутреннем ми-

ре каждого встречаются припрятанные скелеты, однако перспектива застрять в сознании того, чей мозг умирает, испугала Лео не на шутку.

– А я говорила тебе об этом с самого начала!

– А я с самого начала не собирался с вами соглашаться! –

Лео вскочил со своего сидения.

– Поверить не могу, что такого человека допустили в армию, – скривила губы Мадлен. – Где же твоя самоотверженность, забота о ближнем?

– Во-первых, у них в целом не очень высокие требования к тем, кто готов умереть, защищая амбиции другой страны. А во-вторых, где же ваша забота о ближнем?! Фиг с ней – с человеческой, хотя бы христианская?

– Уверена, бог разберется. А мы подписали контракт.

Мадлен холодно взглянула на него и взглядом указала на сидение.

– Впрочем, – чуть смягчившись, сказала она, – если хочешь, можешь оставить дополнительные инструкции, чтобы мы знали, что делать в случае твоей смерти, – она достала перьевую ручку и открыла ее, готовая записать последнюю волю Лео. – Как вообще это работает?

Лео обессиленно рухнул в кресло и обхватил голову руками.

– Я не знаю.

То, что родственники попавших в кому людей считали даром, для него было мучением.

Он вспомнил, как впервые вошел в сознание другого человека, своего лучшего друга детства... бывшего друга...

Собственно, именно Яник подбил Лео записаться в армию и подать заявление на службу в Афганистане. Яник поступил туда на год раньше и стал не только наставником, но и официальным командиром слегка неуклюжего и растерянного новобранца, которым так и остался Лео, несмотря на всю предварительную подготовку.

В тот злополучный день они с Яником должны были патрулировать уже защищенный район города. Из всей патрульной группы помимо них в машине был только водитель – совсем молодой парнишка, Лео даже не помнил его имени. Кажется, прибывало большое армейское начальство, и все силы были брошены на его охрану, поэтому численность патрулей была сильно уменьшена.

Лео очень гордился собой. Он не сказал родителям, что поступил в армию, чтобы не волновать маму. Однако много раз представлял в красках свое триумфальное возвращение, мечтал, как докажет семье и всем, кто считал его слабаком, что он будет покруче некоторых. Как на него будут смотреть девушки: еще бы, вернулся из горячей точки. Втайне он, конечно, надеялся, что это будет исключительно мирная операция, но служба на отдаленном форпосте с первого дня убила эти надежды.

Они ехали по дороге, пустынной в это время. Солнце оран-

жевыми лучами-прожекторами пробивало тучи над хребтами серых скал. Связь, как всегда, была отвратительной. Может, из-за гор, а может, талибы глушили. Сквозь неожиданно прорвавшиеся хрипы радики они услышали, что в соседнем районе стрельба и есть раненые среди контингента. Лео вновь и вновь пытался связаться со штабом и запросить подмогу, но радица отвечала лишь шумом и треском.

Конечно, Яник нарушил инструкции и скомандовал изменить маршрут. Он всегда хотел быть героем.

Конечно, все пошло не так. Они почти сразу подорвались на mine. Когда Лео очнулся, ему в нос ударил мерзкий запах гари. Машина лежала кверху брюхом, броневая сталь смялась, как картон, дым заполнял кабину. От взгляда на переднее сидение Лео чуть не стошнило. Голова молодого водителя стала сплошным месивом. Янику повезло гораздо больше, но он не отзывался и не двигался, а чем больше Лео приходил в себя, тем громче становились выстрелы, среди которых он различил и мерзкое шипение противотанковых ракет.

Говорили, что он протащил Яника десять километров на себе. Что потом потерял сознание, но так крепко держал командира за руку, что ее не смогли разжать. Так их и оставили в лазарете.

Тогда Лео в первый раз оказался в сознании другого человека, в «доме души», как он про себя называл это простран-

ство. А после выхода оттуда он в первый раз понял, что потерял друга навсегда.

Друг, который знает о тебе слишком много, слишком быстро становится врагом.

Такие, как Мадлен, уверены, что уж они-то адекватно представляют мир, окружающих и себя самих. Если бы они хоть на минутку осознали, что на самом деле творится в их сознании, они бы поняли, насколько опасное это заблуждение. Восприятие подводит, логика не работает, планы сбиваются на каждом шагу. События, эмоции, убеждения, гормоны, все это создает множество фильтров, сквозь которые люди смотрят на мир. Мелочь может стать поводом для самоубийства, а важные события останутся незамеченными. В подвалах души хранятся странные тайны и ядовитые воспоминания, и как бы их ни прятали, их токсичное радиационное излучение проникает во все и приводит к мутациям жизни.

– Насколько я поняла из объяснения Яника, – начала Мадлен, – ты держишь человека за руку, попадаешь в его мысли и заставляешь его вернуться к жизни.

– Заставляю? Я? – Лео поднял голову. – Да я даже кошку не смог отучить спать на моей голове.

– Тогда что же происходит?

Лео поерзал, кусая губы. Он уже пытался объяснить свои действия родственникам, но ничего хорошего из этого не по-

лучилось.

– Для человека в коме жизнь продолжается, – начал он. – Только это жизнь внутри привычного кокона, где ему хорошо и спокойно. Или наоборот – отчаянно страшно. Там могут быть те же самые люди, те же самые вещи, только они изменяются в соответствии с его представлениями.

– И сильно изменяются?

– О да...

Мадлен на секунду задумалась, нахмурившись, но потом резко потрянула головой:

– Наверняка это бывает только у неадекватных людей.

Лео пожал плечами.

– Адекватные мне пока не встречались... Да что там... Все вокруг гораздо больше придумывают мир вокруг себя, чем живут в нем. И жить в иллюзии гораздо легче, чем бороться с реальностью. Так что кома – это крайний вариант. Время застывает, и даже если реальность прорвется во внутренний мир, она будет значить не больше, чем пейзаж за окном или далекий звук.

– Не понимаю тогда, за что я плачу тебе такие деньги, – Мадлен явно не понравилось такое положение дел. – Ты-то что делаешь?

– Я пытаюсь убедить человека выйти из дома его души. Но для этого нужно понять, почему он там застрял. Почему иллюзия стала притягательнее настоящей жизни. Или какой кошмар парализовал волю... Фокус в том, что умирать ни-

кто особо не стремится, просто некоторые не могут больше жить.

– О-окей, – протянула Мадлен с оттенком осторожной брезгливости, которую люди испытывают к сумасшедшим. – Просто поживее там! – потребовала она. – И постарайся передавать важные детали. Ты должен помочь следствию. Насколько я знаю, иногда ты можешь легко выходить из комы.

– Эй, дамочка, это не массовое производство, – устало выдохнул он. – В первый раз я смог что-то нацарапать. Спасибо докторам, что сообразили использовать восковую пластину. Второй раз это было больше похоже на засыпание и выход из сна. А в третий я застрял в этой чертовой тюрьме без какой-либо возможности вырваться!

Лео отвернулся к окну. Все его чувства кричали: зря он согласился. Даже если это казалось хорошим способом заработать. Зря.

Мадлен расценила его молчание по-своему:

– Не волнуйся, даже если ты не сможешь выбраться из комы, это не будет считаться нарушением контракта. Кстати, ты будешь слышать, что я тебе говорю?

– Может быть, – уныло ответил он. – Если не повреждены органы чувств и части мозга, ответственные за восприятие. Только я не знаю, как эта информация будет восприниматься Робертом, так что попробуйте хотя бы для разнообразия подбирать выражения и быть более деликатной.

Мадлен недоуменно заморгала.

Лео достал из папки фотографию мужчины лет сорока.

Слегка полноватый, лысеющий, с пухлыми губами капризного ребенка, он сидел за массивным столом с золоченой статуэткой в руках. На заднем фоне виднелись многочисленные ряды книг и дипломы в рамках.

– А теперь заглушим голос разума, – проговорил Лео со вздохом, – и приступим к выполнению контракта. Если бы ваш брат сошел с ума, каким психом он бы был?

– Он солидный человек! – Мадлен была возмущена. – Рос счастливым ребенком, хотя и слегка избалованным. Работал бухгалтером, после смерти отца унаследовал инвестиционную компанию. Солидный спокойный бизнес. Впрочем, не думаю, что Роберт проводит много времени на работе.

Лео взял следующий листок с полицейским протоколом. На фото был запечатлен просторный гараж и «линкольн континенталь» семидесятых годов. В сопровождающем тексте ярким маркером было выделено: «Предварительное заключение: попытка самоубийства».

– Отравление угарным газом в гараже, – прокомментировала Мадлен. – Они считают, что это он пытался убить себя, но я видела его накануне. К тому же он христианин. И я заверила всех в нашей церкви, что он не мог совершить такое святотатство.

Лео ждал еще каких-то доказательств, но Мадлен, видимо, считала приведенные аргументы вполне достаточными.

– Хорошо, давайте решим, что вы правы, – продолжил по-

сле затянувшейся паузы Лео. – Есть еще хоть что-то, что указывает на убийство?

– Роберт пока жив, – одернула его Мадлен, и Лео пришлось кивнуть. – Так вот. Во-первых, он сидел в своей любимой машине. А он ее любит больше, чем жену, пылинки с нее сдувает. Чуть что не так – забирается в нее и колесит по автобану.

Лео скептически посмотрел на Мадлен.

– Во-вторых, – продолжила она, – кто-то подключил гибкий шланг к выхлопной трубе и завел его в салон. Это не мог быть Роберт. Он ничего не умеет делать руками. Найти шланг подходящего диаметра и подходящей длины – это не для него.

Лео начал догадываться, почему Мадлен не смогла убедить полицию.

– В-третьих, в салоне был найден клочок ткани, зацепившийся за пассажирскую дверь. А Роберт не возил никого в своей машине. Он предпочитал заплатить за такси, чтобы только никто не натоптал и не испачкал его лимузин. И в-четвертых, никто так и не смог найти его телефон!

Лео продолжал смотреть на Мадлен, надеясь, что она предоставит какие-то еще доказательства. Однако не дождался и спросил:

– И кто, по-вашему, пытался его убить?

– Выгодней всего эта смерть была бы для Елены, его жены, – охотно начала Мадлен, вытаскивая из папки фотогра-

фию худощавой блондинки лет сорока.

Фото было грубо вырезано из группового портрета, так что Елена пребывала в окружении чьих-то ушей и подбородков и выглядела очень отстраненной, как будто все ее мысли и чувства уже очень давно отделились от тела. Возможно, раньше она была миловидной или даже красивой, но сейчас отсутствие косметики и украшений только подчеркивало безразличие к собственной внешности.

– Я, конечно, не вмешиваюсь, – продолжила Мадлен тоном, который утверждал обратное, – но у них явный кризис в отношениях. Возможно, они собирались разводиться. Она не из нашего круга. Такая...

– Голодранка? – вскинулся Лео.

– Д... Женщины нашей семьи всегда знали себе цену. А эта – как прицепившаяся водоросль. Без цвета, без стремлений, без голоса. Зато, как только врачи заговорили о смерти мозга, голос тут же прорезался. Елена сразу согласилась отключить Роберта от аппарата жизнеобеспечения. Дескать, он потом будет не человеком, и все такое, – произнесла она высоким голосом, как будто передразнивая Елену. – Главное – он будет жить!

– А как он будет жить, вас не очень волнует?

Лео поднял глаза на Мадлен. Она очень недобро нахмурилась.

– У нее есть какое-то алиби? – Лео постарался быстро сменить тему.

– Говорит, что всегда в это время ходит к своему психологу, – нехотя проговорила Мадлен. – По мне так только деньги тратит на этих шарлатанов. К тому же она могла еще до выхода из дома засунуть Роберта в эту чертову машину. Ты, главное, постарайся найти хоть что-то, чтобы прижать ее. Или того, кто посмел так поступить с нашей семьей.

– Вы думаете, что я найду вам внутри Роберта доказательства? – изумился Лео. – Ха, все становится еще интереснее. Да только, во-первых, я не детектив, а во-вторых, никакой суд их не примет.

– Это если Роберт будет мертв. Найди доказательства и верни его к жизни.

– Всего делов-то!

Мадлен кивнула. Лео понял, что его сарказм здесь плохо воспринимают.

– Н-да... – пробормотал он. – Уверен, что у вас-то имеется длинный список подозреваемых. Другие члены семьи? Недоброжелатели? Коллеги? Конкуренты? Друзья?

– Любой из них. Но полагаю, что это был кто-то ему знакомый. В доме стоит система безопасности, и она не была активирована. За день до этого Роберт организовал большую вечеринку в честь своего юбилея. Кажется, он вообще всех своих знакомых собрал, включая нотариуса и дантиста. Зачем-то даже нанял профессионального оператора. При этом отказался позвать соседей. А ведь среди них есть очень полезные люди! – Мадлен была раздосадована. – Вот список

приглашенных.

Порывшись в кожаном портфеле, Мадлен достала листок, на котором значилось не менее полусотни имен.

– И вы подозреваете их всех?! – Лео присвистнул.

– Меня можно вычеркнуть, – сказала Мадлен без доли шутки. – Дверь в дом и ворота в гараж были закрыты, и на этом основании можно было бы вычеркнуть еще нескольких, но кто-то мог взять ключ во время вечеринки или сделать с него копию.

Достав из портфеля внешний диск, она подключила его к разъему на панели столика между креслами, и на экране перед Лео замелькали мужчины в смокингах и дамы в вечерних платьях. Кажется, оператор, которого нанял Роберт, специализировался на артхаусе, потому что он без устали изгалялся над зрителем: находил дикие углы съемок, выхватывал непонятные детали, снимал сквозь посуду. Лео, которому никогда особо не нравился этот жанр, с трудом приноровился к такой манере. Но, в любом случае, это было лучше, чем ничего.

Вечернее солнце лилось сквозь большие окна с мелким рисунком старинного переплета. Свет отражался от полированных деревянных поверхностей и хрустальных бокалов, которые разносили официанты. Вся обстановка была дорогой и консервативной, как будто не менялась в течение пары веков.

Гости, которые беседовали около входной двери, нежи-

данно задвигались, практически отпрыгивая в разные стороны, и через секунду появилась причина этого переполоха.

В дом вкатилась дама с безупречной укладкой и массивными украшениями, восседая на инвалидном кресле, как на троне. Кресло катил одетый во все черное статный мужчина с хищными чертами лица. Дама умудрялась из своего положения смотреть на всех свысока и лишь немногих удостоила снисходительным кивком головы.

– Пожалуй, маман тоже можно вычеркнуть, – прокомментировала Мадлен.

– Маман?

Лео хотелось убедиться, что Мадлен не шутит и действительно готова подозревать всех без исключения. Но она растолковала его вопрос иначе.

– Она предпочитает, чтобы мы так ее звали. У нее древние французские корни, которыми она очень гордится. – Мадлен указала пальцем на экран. – А вот того брюнета не стоит сбрасывать со счетов. Юрист. После смерти отца он у маман вместо комнатной собачки. Она берет его с собой даже за покупками. Не удивлюсь, если она уже переписала завещание на него.

Лео присмотрелся к питомцу маман. По правде говоря, он гораздо больше походил на пирата, чем на юриста. Впрочем, Лео доводилось встречать немало юристов, которые как будто получили каперское свидетельство и набрасывались на любую добычу.

Тем временем вновь прибывшие переместилась к столику у окна, раздвинув устроившихся рядом гостей. Маман ревниво поправила стоявшую там фотографию в золотой раме. Камера успела выхватить изображение: ее саму, изящно изогнувшуюся в кресле, и стоящего рядом пожилого одутловатого мужчину в костюме-тройке, видимо, отца Роберта.

Возникшая рядом Елена с улыбкой протянула маман бокал шампанского, но та, не глядя на невестку, требовательно подняла руку вверх. Безмолвный юрист тут же вложил в покрытую перстнями суховатую руку журнал «Point de Vue», и маман углубилась в чтение.

Елена немного постояла, потом поставила бокал на столик и развернулась.

– Вот! – ткнула пальцем в экран Мадлен.

Она поставила видео на паузу, и на экране застыло лицо Елены. На нем было плохо скрываемое раздражение.

– Вот истинное лицо этой тихони! – Мадлен торжествующе посмотрела на Лео, потом перевела взгляд на экран и снова включила воспроизведение.

Заметив снимающую ее камеру, маман изогнула бровь, смерила оператора взглядом сверху вниз, презрительно фыркнула и уткнулась обратно в журнал. Даже по эту сторону экрана Лео почувствовал себя неуютно. Впрочем, изображение на экране тоже нервно затряслось.

– Все наше детство в одной картинке, – вздохнула Мадлен. – Но не думаю, что она могла бы кого-то убить. Вы-

мотать нервы, разрушить самооценку, довести до самоубийства – это пожалуйста. Но убивать... К тому же она действительно пыталась помочь Роберту, – Мадлен скривилась. – Таскала каких-то целителей, шаманов, колдунов... Мне стоило многих усилий скрыть все это. Что подумают люди в нашей церковной общине?

– Зачем же вы позвали меня?! – удивился Лео.

– Маман согласилась не звать никого больше, пока ты не закончишь работу.

– То есть – пока Роберт либо не выберется, либо не умрет. А еще вероятнее – умрем мы вместе. И все это ради того, чтобы вы доказали общине, что Роберт не самоубийца, а вы – образцовая сестра?! Да вы просто мастер беспроектных комбинаций. Не забудьте упомянуть это на исповеди.

– А это Роберт, – поспешно ткнула в экран Мадлен. – Обычно он не пьет столько.

Хозяин праздника встречал всех у камина, над которым висела огромная яркая картина. Модный костюм с зауженными штанами делал фигуру Роберта несколько комичной. Когда бокал пустел, он, не поворачивая головы, дергал рукой в сторону одетой в серебристо-серое платье Елены и немедленно получал новый.

Просматривая видео, Лео удивился способности этой женщины быть практически везде одновременно. Она постоянно мелькала на заднем плане, управляя работой официантов, сглаживая острые ситуации и предотвращая неприят-

ности. Лео не был согласен с определением, которое ей дала Мадлен. Несмотря на усталый вид и мешки под глазами, Елена не походила на водоросль, в ней чувствовалась некоторая отчаянная сила. Как будто она старалась быть покорной и незаметной назло. Вот только назло чему – непонятно.

Елене то и дело помогала короткостриженная брюнетка, которая ориентировалась в доме не хуже хозяйки, отвечала на звонки и даже приветствовала гостей, когда та была занята. То ли из-за невысокого роста, то ли из-за по-детски милостивых черт лица выглядела она значительно моложе Елены и относилась к ней с заботой, которую можно ожидать от сестры.

– Кто это? – спросил Лео.

– А, Бетти, старый друг Роберта. Кажется, они знакомы еще с университета. Работает детским стоматологом. – Мадлен слегка передернуло. – Господи, это ж надо так ненавидеть детей!

Лео взглянул на внезапно замолчавшую Мадлен, и ему показалось, что та пересчитывает языком собственные зубы. Он слегка кашлянул, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

– Ах да, – продолжила Мадлен. – Это она обнаружила Роберта в подземном гараже и вытянула его наверх до приезда спасателей. Потом, когда у Роберта начала отказывать печень, она вызвалась стать донором. Лицемерка! Наверняка рассчитывала на то, что ее печень не подойдет, и давила на нас. К счастью, все обошлось.

– Она замужем?

– Нет. Ко всему прочему, она еще и одинокая лесбиянка, – Мадлен заметно нахмурилась.

Лео внимательно посмотрел на Мадлен, пытаясь понять, что именно вызывает такие эмоции.

– Я не одинокая, – Мадлен одернула рукав пиджака, как будто пытаясь натянуть его на правую руку без кольца. – Кто вообще сказал, что это важно? – спросила она с вызовом.

– Кто? – не вполне понял Лео, но по нахмуренным бровям Мадлен догадался, что лучше сменить тему. – А как Бетти оказалась в доме Роберта?

– Кажется, попала в какую-то аварию неподалеку и зашла случайно. У нее был ключ, что тоже делает ее подозреваемой.

– Зачем человеку спасать того, кого он хочет убить? – удивился Лео.

– А зачем человеку становиться стоматологом? – парировала Мадлен.

Лео только вздохнул.

– Что это за странная картина? – он указал на яркое пятно над камином, которое явно не вписывалось в интерьер.

Камера периодически снимала части картины крупным планом, и никак не удавалось понять, что именно там изображено.

– Очередное увлечение Роберта. Он вдруг решил инвестировать в искусство. Говорит, что живопись наполняет его

энергией. До этого он начинал учиться судоходству, копался в каких-то захоронениях...

– Вы же говорили, что у Роберта нет фантазии.

– Это не фантазии, а блажь. Хорошо, что фирмой управляет совет директоров, который не дает ему просто так тратить деньги фонда. Наташил вон всякой дряни, – Мадлен кивнула на экран.

Видимо, заскучав, оператор отправился путешествовать по дому, наглядно демонстрируя, насколько увлекающимся коллекционером был Роберт. Стеллажи с непонятными экспонатами, огромные фотографии яхт, множество мячей с автографами, шкуры животных.

Сам Лео не часто бывал в районе Далем, где жил Роберт, но каждый раз озадаченно думал, зачем людям такие большие дома, если среди множества комнат они живут вдвоем. Что они делают в таком большом пространстве? При взгляде на экран казалось, что основной целью в жизни этих людей было заполнение огромного дома вещами.

– Ой... – Лео даже отшатнулся.

Спальня, в которую заглянула камера, была украшена множеством этнических рисунков, а напротив кровати высился внушительный фаллический символ с нарисованными на нем глазами.

– Это Роберт приташил из одной из своих «экспедиций». Хорошо хоть грязь отмыл, – по тону Мадлен было понятно, что она весьма невысокого мнения об увлечениях брата. –

Хоть что-то у него в спальне стоит. Насколько я знаю, у Елены есть своя комната.

– Вот теперь вы понимаете, насколько важно изучить местность...

Мадлен удивленно посмотрела на него.

– А, понимаю. Как у Фрейда. Если бы Роберт внутри себя это придумал, это был бы симптом. А то, что он действительно поставил эту гадость в своей спальне, нормально?

Лео пришлось призадуматься.

На экране гости продолжали прибывать. Каждый раз, когда дверь за спиной у Роберта открывалась, он поворачивался всем корпусом, но чем дальше, тем больше на его лице читались разочарование и досада. Казалось, что это были совсем не те люди, которых он ждал.

– Он точно пригласил их всех? – Лео с сомнением посмотрел на огромный список.

– Да. Приглашения были разосланы за месяц. Не пришли только двое, но по уважительной причине. Одна рожает, другой умер. Я решила вычеркнуть их из списка подозреваемых.

Задумавшись, Лео поднял глаза на Мадлен:

– Я похож на кого-то из родственников или знакомых Роберта?

– Ты? Нет, – Мадлен смерила его взглядом, в котором явно читалось, что она и представить себе не может присутствие таких людей, как Лео, в их семейном кругу. – Впрочем, – она задумалась, – ты немного похож на его друга дет-

ства, вредного такого. Как же его звали? Питер? Пип? Не думаю, что они потом общались. Кажется, их семья обанкротилась. Все были рады, когда они куда-то уехали.

Лео вопросительно поднял бровь.

– Он постоянно втягивал Роберта в неприятности. Маман его ненавидела. То они построили лодку и чуть не утонули. То вырыли все гортензии, потому что искали клад. То подорвали мусорный бак, запуская его в космос. Отец подал на них в суд, и всему их семейству запретили приближаться к нашему дому.

– Ваш отец всегда так делал?

– Он заботился о том, чтобы мы стали толковыми людьми. Выбирал, с кем стоит дружить. Роберту, конечно, доставалось больше... – она помолчала. – Это важно?

– Может быть, и нет, – Лео пожал плечами. – Но если лезешь кому-то в душу, прикинься хотя бы другом.

Камера выхватила циферблат больших напольных часов, стрелки которого уныло застыли в положении двадцать минут седьмого, и следующим кадром запечатлела толстяка с длинными повисшими усами. Он стоял в группе людей, которые пили и натужно смеялись, убирая улыбку сразу, как только собеседник отворачивался.

Привалившись к камину, Роберт не сводил взгляда с двери. Несмотря на толчею в комнате, вокруг него было пустое пространство. Он отвлекся, только когда рядом появилась Мадлен и постучала по бокалу, привлекая всеобщее внима-

ние.

Оператор и тут постарался с выбором места: съемка велась сквозь фужеры с шампанским и ряды тарталеток с икрой, а слов было не разобрать из-за музыки. Зато было прекрасно видно, как некоторые из гостей переговариваются за спиной Мадлен, прикрывая рот и кивая на Роберта. По окончании тоста именинник залпом намахнул бокал и обвел окружающих плохо фокусирующимся раздраженным взглядом.

– М-да... Похоже, тут многие мастера прикидываться... – пробормотал Лео. – Такой большой дом... Всё есть... Что же тебе не живется?

Застывший на экране Роберт комментариев не давал.

Все оставшееся время полета Лео изучал материалы из папки. Он рассортировал фотографии и расклеил их по стенам и сидениям самолета: семья, друзья, коллеги, клиенты... Мадлен действительно провела большую подготовительную работу. Рядом с фотографиями гостей он записал те язвительные комментарии, которые им выдала Мадлен. Вот тучный усатый партнер Роберта, рядом с которым значилось: «обжора и мизантроп»; секретарь – «склизкий червяк и подхалим», кухня – «безобидная дурнушка, вечная подружка невесты».

Лео сел на пол в проходе, посмотрел на все эти лица и пожегил. Это был совсем чуждый ему мир, и влезать в шкуру Роберта совершенно не хотелось.

* * *

Небольшая ниша в коридоре больницы создавала ощущение укрытия; в основном – за счет фикусов, отделявших ее от сновавшего туда-сюда персонала. Лео устроился на небольшом диванчике и поглощал выставленные для посетителей конфеты.

Сквозь стекло палаты можно было наблюдать ссору между женой Роберта и Мадлен. Если честно, Лео болел за Елену. Ей явно приходилось несладко, но она держалась, не подпуская Мадлен к лежащему на кровати Роберту.

– Тебя тоже отправляют за дверь, когда другие ругаются?

Лео повернулся на голос. Мальчик лет шести стоял рядом и грустно смотрел на происходящие за стеклом. Лео подвинулся, предлагая ему сесть рядом. Тот плюхнулся, бросив рюкзак на стол перед собой. Из открытого клапана высыпались игрушки, но мальчик не обратил на это никакого внимания.

– Быть подальше от ссор – это всегда хорошая стратегия, – сказал Лео, пододвигая конфеты новому посетителю.

Мальчик пожал плечами и посмотрел в сторону. Сквозь полупрозрачные двери дальше по коридору было видно молодую женщину со светлыми кучерявыми волосами, как у мальчика, которая ожесточенно спорила с мужчиной лет сорока. Она наступала, очевидно обвиняя его и размахивая руками.

– Один день они говорят, что любят друг друга. А потом... – мальчик поник и отвернулся. – Почему они так?

Лео пожал плечами:

– Трудно сказать. Знаешь, каждый человек живет в своем мире и придумывает сказки и о самом себе, и о других. Чаще всего сами себя они считают героями...

– Чур я буду королем Артуром! – мальчик изобразил, что вынимает из ножен меч и наставляет его на Лео. – А ты будешь моим верным конем.

– ...и расстраиваются, если другие ведут себя не так, как они придумали. – Лео отвел невидимый меч в сторону.

Мальчик недовольно поморщился:

– Сильно расстраиваются?

Лео грустно кивнул:

– Даже иногда убивают за это.

– И что делать?

Лео пожал плечами:

– Уважать других. Относиться к ним как к людям, а не как к персонажам своей сказки.

Мальчик вставил воображаемый меч в ножны и задумался.

– Слишком сложно. А какая у них сказка? – спросил он, кивнув на палату Роберта.

Лео поднял выпавшего из сумки мальчик дракона.

– Жил да был дракон...

– Добрый? – глаза мальчик засветились интересом.

Лео пожал плечами:

– Поверь мне, любой дракон считает себя самым умным, добрым и красивым. И вдруг он заболел и заснул крепко-крепко. Так что никто не мог его разбудить. Может быть, он сам решил умереть, а может, его кто-то отравил, но только с каждым днем ему становилось все хуже и хуже. И те, кто любил дракона, разделились на два лагеря. Одни считали, что дракона нужно разбудить во что бы то ни стало...

Лео прикрыл больного дракона своим носовым платком. Затем подобрал со стола фигурку трансформера и поставил ее со стороны Мадлен.

– Они пригласили колдунов, чтобы те спустились в темное подземелье и нашли душу дракона. Но местные колдуны не смогли этого сделать. А может, они были просто шарлатанами.

Лео замолчал, прикидывая собственные перспективы.

– А что считали другие? – мальчик прервал размышления Лео.

– Другие считали, что дракон уже почти погиб, нет никакого подземелья, и души никакой нет, – продолжил Лео. – И, если его разбудить, он будет просто зомби. А значит, надо просто дать дракону достойно умереть.

Он поставил фигурку ниндзя со стороны Елены.

– Трансформер победит ниндзя, – уверенно заявил мальчик.

– Только если ниндзя будет один. Но, кажется, к нему по-

доспело подкрепление.

В палату вошла врач, и Лео поставил рядом с ниндзя Спайдермена.

Судя по амплитуде жестов, Елена находилась уже на грани. Она с остервенением указала врачу на сидящего в коридоре Лео.

Делая вид, что он тут не причем, Лео быстро отвел глаза и заметил, что ссора между родителями мальчика тоже накалилась. Кажется, мужчина оттолкнул женщину. По крайней мере, она резко подалась назад, а мужчина со злым выражением лица распахнул дверь и быстро пошел по коридору.

Мальчик скользнул на пол и спрятался за столом, так что отец его не заметил и направился к входу из больницы. Немного погодя женщина почти бегом проследовала за ним.

Лео нахмурился:

– Ты чего-то боишься? Тебя обижают?

– Нет... – мальчик замолчал. – Просто не хочу разговаривать. Когда они ссорятся, говорят плохие вещи.

Лео опустил на пол рядом с мальчиком и внимательно посмотрел на него:

– Если что, ты всегда можешь попросить о помощи. Меня, или кого-то, кому ты доверяешь. Договорились? – он поднял руку с раскрытой ладонью.

– Угу, – мальчик шлепнул по ней пятерней. – Ух ты, мы как будто в засаде! Или в кино! – быстро переключился он. – Чур я за спайдермена! А тебе трансформер, – он сунул фи-

гурку в руку Лео.

Теперь, когда их глаза находились на уровне стола, фигурки оказались как раз напротив спорящих женщин.

Мадлен использовала бюрократическую артиллерию, доставая из папки все новые и новые бумаги.

– Пиу-пиу, – комментировал Лео действия трансформера.

Бумаги не производили на врача никакого впечатления. Она невозмутимо возвращала их Мадлен.

– Мимо! – выкрикивал мальчик, изображая фигурками прыжки Спайдермена и ниндзя.

В конце концов врач подошла почти вплотную к Мадлен, указывая ей на дверь. Лео уронил трансформера навзничь.

– Ура! Наши победили! – запрыгал мальчик. – Но подожди, это означает, что дракон умрет? За что же мы тогда боюлись? – на его лице проступили обида и недоумение. – Это неправильная сказка!

– А как бы ты сделал?

– А! Я знаю. Надо, чтобы дракона поцеловала принцесса, и он тогда превратится в прекрасного принца!

– Отличный план! У тебя в рюкзаке есть принцессы?

– Нет, – малыш выглядел растерянным. – А давай ниндзя окажется принцессой? Переодетой.

Он критически осмотрел фигурку ниндзя.

– О-оу... – Лео указал на коридор. – Кажется, ниндзя и Спайдермену придется сейчас туго.

К палате на крейсерской скорости приближалась коляска

маман в сопровождении юриста. Лео заглянул в рюкзак и достал игрушечный танк и пирата.

Не утруждая себя приветствием, маман протянула какой-то листок доктору и смерила уничтожающим взглядом Елену.

Врач молча вышла из палаты, держа бумаги в руках. Елена только покачала головой, бессильно махнула рукой и ушла следом.

Мадлен выглянула за дверь, ища Лео, и тому пришлось встать.

– Ты куда? – мальчик явно был недоволен окончанием игры.

– Пойду выяснять, колдун я или шарлатан, – Лео стряхнул со штанов пыль. – И постараюсь на этот раз все сделать правильно, – он подмигнул малышу. – Если выживу, – добавил он про себя.

– Эй! – крикнул мальчик, и Лео обернулся. – Помири их потом, ладно?

Не дожидаясь ответа, мальчик вдруг вскочил и побежал по коридору навстречу мужчине и женщине, которые выходили из дверей, споря на ходу. Он с разбегу обнял их, обхватив каждого за ногу так крепко, что им пришлось резко затормозить. И замер. И они, перестав ругаться, замерли тоже.

* * *

Оставшись один в палате, Лео вылез из кровати и опустил жалюзи. Может быть, лежащим в коме все равно, смотрят ли на них, но сам Лео чувствовал себя за этим стеклом как пойманная в банку лягушка. Строго говоря, он был не один: его кровать поставили рядом с кроватью Роберта. Лео приблизился, чтобы рассмотреть повнимательнее, как выглядит человек, в шкуру которого предстояло влезть.

Лицо Роберта Штерна было изможденным. Бледные губы уже не выглядели такими капризно надутыми, а упитанные щеки ввалились. Сейчас, после того, как были подписаны тонны бумаг, Лео опять ощутил это тоскливое чувство, когда мутит в животе и хочется сжаться в незаметную точку.

После каждого вхождения во внутренний мир ему приходилось долго восстанавливаться, потому что его собственное тело тоже оказывалось в состоянии комы. Может быть, не настолько тяжелой, чтобы утратить какие-то функции, но удовольствия мало. С каждым разом все больше обострялись ощущения, как будто защитная оболочка между ним и миром постепенно стиралась. А сейчас, стоя в больничном халате-распашонке, Лео чувствовал себя полным идиотом. Очень уязвимым идиотом.

Лео провел рукой по трубкам аппарата искусственного дыхания, и его передернуло. Стоит ли собственный дом таких жертв? Или это просто психоз, возникший оттого, что с самого раннего детства у него не было ощущения собствен-

ного угла?

Лео быстро вернулся к прозрачной стене, отделявшей палату от коридора, отогнул жалюзи и украдкой выглянул наружу.

Черт! На том самом диванчике, где он совсем недавно устраивал засаду, теперь сидела Мадлен и разговаривала с двумя полицейскими. Судя по их недовольным лицам, Мадлен смогла-таки надавить на нужных людей и делу, несмотря на всю его нелепость, дали ход. Хорошие новости. Значит, они смогут все расследовать и без него.

Оставалось окно. Первый этаж. Всего лишь перемахнуть через подоконник, и больше не будет никаких проблем. Лео рванул к шкафчику с одеждой, быстро покидал свои немногочисленные вещи в рюкзак. Не тратя времени на переодевания, он бросился к окну.

Как только он отворил створку, в лицо ему пахнул теплый, наполненный запахом цветов и сосен воздух. Пение птиц, звон кузнечиков, жужжание пчел. Как будто сама жизнь ждала его, распахнув объятия, расстелив прямо под окном мягкую перину клумбы с хитроумным узором красных и белых цветов. Лео занес ногу на подоконник.

– Пожалуйста, не открывайте окна. В палате создан специальный микроклимат, – услышал он позади себя женский голос с легким акцентом и резко обернулся.

У двери, придерживая стойку с медицинскими приборами, стояла врач в брючном костюме, который ей невероятно

шел. Лео повернул голову и заморгал. Может быть, конечно, этой женщине пошла бы любая одежда. Она была невысока ростом, но, видимо, из-за отличной осанки показалась Лео высокой. Ее пепельно-светлые волосы были небрежно забраны в хвост, а маленькая сережка в ухе в виде снежинки удивительно сочеталась с сияющими голубовато-серыми глазами. Мерзкий голосок в глубине сознания услужливо подсказал Лео: сияют они лишь потому, что в них отражается залитое светом окно, – но даже этот факт не смог испортить впечатление.

– Я... н-не... – Лео почувствовал, что решительность покидает его.

Он вдруг представил, как он сейчас выглядит: застуканный на полпути к бегству, с предательски разъехавшимися полами халата. Лео поспешно захлопнул окно и попал себе по ногтю. Не зная, куда деваться от своей неловкости, Лео сунул саднящий палец в рот и развернулся спиной к раме.

– Конечно, если вы не планируете побег.

– Вы читаете мысли? – захлопал глазами Лео.

– Только очевидные.

Она кивнула на рюкзак на подоконнике.

– А вы... – начал Лео.

– Простите, господин Мейсер, – доктор подошла и протянула руку Лео. – Я доктор Леви, я буду вашим анестезиологом... Конечно, если вы решите остаться.

Лео поспешно выдернул палец изо рта, вытер об халат и,

заливаясь краской, ответил на рукопожатие.

– Л-лео, пожалуйста, – выдохнул он. – Мы знакомы?

– Ольга, – кивнув, улыбнулась она. – Семья Штернов поставила на уши всю больницу, пригрозив судами всем и каждому, если больница откажется вводить здорового человека в кому. Так что вы теперь знаменитость.

– Черт!

Лео скрипнул зубами с досады. Стоило столько времени прятаться, переезжать в другую страну, чтобы о нем сразу же растрезвонили.

Видимо, доктор поняла его по-своему:

– Я сейчас схожу за бумагами. Меня не будет минут семь, – ее взгляд метнулся к окну. – Я уважаю ваше решение, каким бы оно ни было, но постарайтесь прикрыть потом окно.

Она подкатила стойку с дисплеем и приборами поближе к Штерну и вышла. Лео опустил на кровать и некоторое время продолжал пялиться на дверь.

– Ты видел ее? – ошолбенело спросил он у лежащего рядом Роберта. – Она настоящая... Искренняя... Так... Надо взять себя в руки. Не будь неудачником!

Лео попробовал пригладить вечно всклокоченные волосы и принялся поправлять свое нелепое одеяние. Потом остановился.

– Не будь идиотом! – сказал он себе уже грустно. – Другого шанса удрать уже не будет...

Перевел взгляд с окна на дверь.

– И другого шанса увидеть ее – тоже... – пробормотал еле слышно.

Его взгляд опять вернулся к окну.

* * *

Когда Ольга вновь вошла в палату, кровать Лео была пуста, окно закрыто, хотя в палате оставался запах цветов из больничного сада. Она вздохнула, то ли от облегчения, что пациент сам избавил больницу от проблем, то ли от досады, что вся подготовка была напрасной, то ли...

Дверца шкафа рядом с входной дверью распахнулась, и к Ольге рванулось что-то красное. Она резко отскочила и ударила, не глядя, кулаком.

Букет цветов, обломавшись, осыпался на пол красными слезами лепестков. Следующее, что она увидела, были ошарашенные глаза Лео. Он стоял в шкафу, накинув на больничный халат рубашку, и сжимал в руке стебли цветов.

– Простите! Я не сделала вам больно? – доктор Леви быстро осмотрела все еще вытянутую руку Лео.

Он помотал головой, и она, кивнув, бросилась поднимать теперь уже безнадежно испорченные цветы с пола.

– Это вы простите... Я не должен был... Я напугал...

Лео тоже опустился на колени, собирая лепестки.

– У вас хорошая реакция, – постарался он сгладить ситу-

ацию, когда все следы его глупой шалости оказались в мусорном пакете. – Ну, может, не совсем хорошая... но точно быстрая.

– Извините, я на нервах из-за... Не важно, – оборвала себя Ольга, завязывая мусорный пакет со всей тщательностью. – И вам действительно не стоило приносить цветы в эту палату.

– Обещаю: больше не буду приносить вам цветы... То есть... – слова мучительно метались в голове Лео, никак не складываясь в фразы. – Может быть, после...

Дверь распахнулась и на пороге предстала Мадлен, за спиной которой маячили двое полицейских.

– Нам надо поговорить до того, как ты впадешь в кому, – безапелляционно заявила она.

Лео аж задохнулся от того, насколько не вовремя она ввалилась.

– Сейчас я попрошу вас оставить господина Мейсера, – спокойно сказала доктор Леви, кивнув на стойку у кровати Лео. – Необходимо провести тесты перед введением наркоза.

Мадлен, явно не привыкшая к тому, чтобы ей перечили, смерила ее долгим взглядом, который доктор легко выдержала. Помолчав, Мадлен кивнула полицейским, и они ретировались за дверь.

Лео собирался поблагодарить Ольгу, но она жестом указала ему на кровать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.